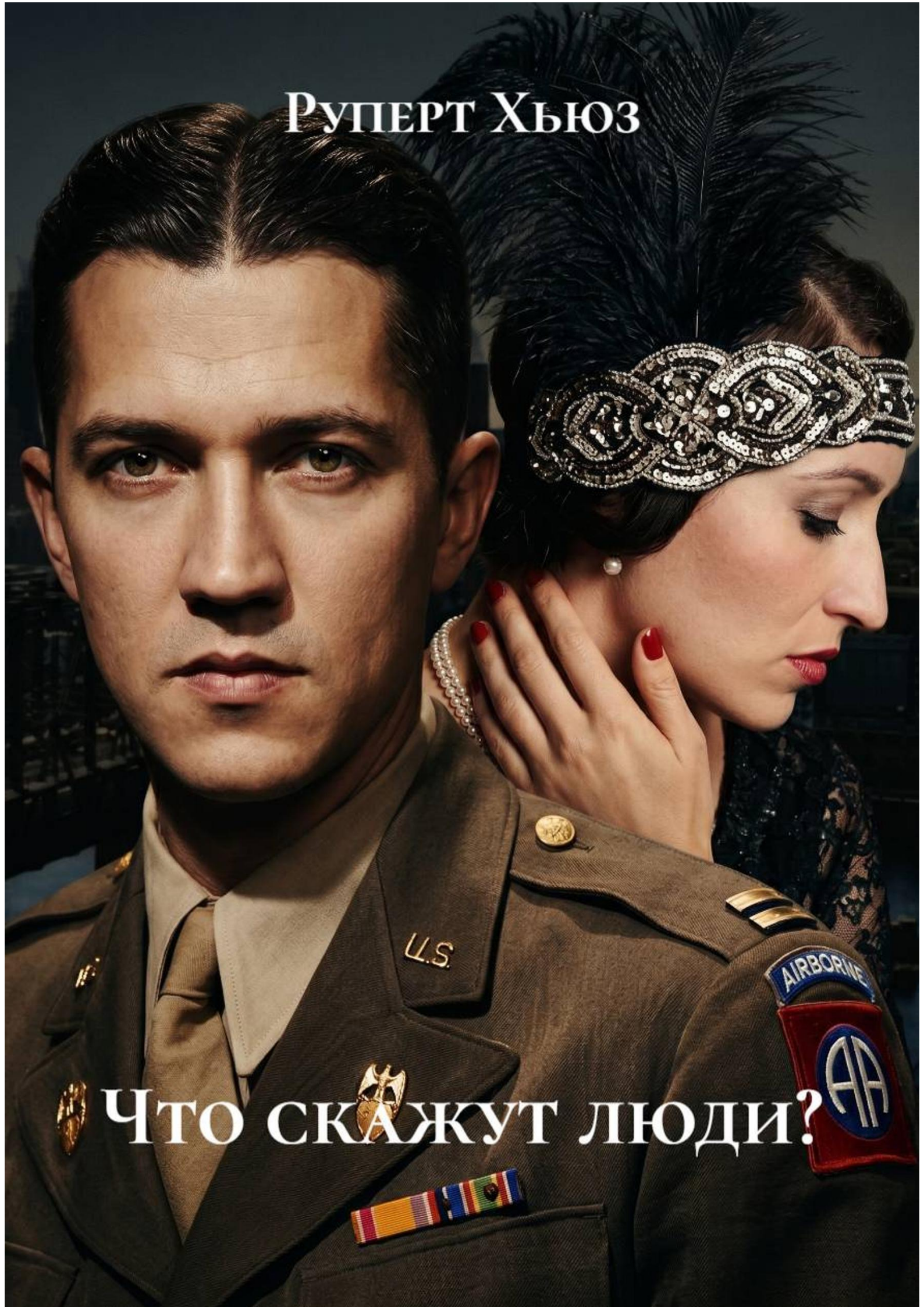

РУПЕРТ ХЬЮЗ

ЧТО СКАЖУТ ЛЮДИ?

Руперт Хьюз

Что скажут люди?

«Автор»

2026

Хьюз Р.

Что скажут люди? / Р. Хьюз — «Автор», 2026

«Что скажут люди?» — роман Руперта Хьюза, написанный в начале XX века. Главный герой — лейтенант Харви Форбс, молодой солдат, вернувшийся с Филиппин. Он пытается адаптироваться к яркой, но загадочной жизни Нью-Йорка. Особое внимание привлекает его восхищение женщинами высшего общества. Книга исследует темы любви, социальных ожиданий и сложных человеческих взаимоотношений в быстро меняющемся городе. В начале повествования Форбс любуется шумными улицами Нью-Йорка, размышляя о времени, проведенном вдали от дома. Его взгляд привлекает женщина в эффектной шляпке, и он не может отвести глаз. Пытаясь разглядеть ее лицо, он испытывает восхищение и зависть, что побуждает его узнать, кто она. Роман раскрывает контраст между роскошной городской жизнью и внутренними переживаниями героя. Форбс наблюдает за непринужденным общением состоятельных людей, одновременно пытаясь разобраться в своих чувствах и понять, что такое любовь и страсть в этом динамичном обществе.

© Хьюз Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Г	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Руперт Хьюз

Что скажут люди?

Глава 1

Пятая авеню в час пик представляла собой бурлящий поток автомобилей. Однако почти на каждом перекрёстке полицейский, в отличие от неудачливого короля Кнута, успешно укрощал эту стихию — то останавливая её решительным взглядом, то пропуская вперёд едва заметным движением большого пальца.

Молодой армейский офицер, недавно вернувшийся с Филиппин, ощущал определённое родство с этими блюстителями порядка. Последние годы он провёл, поддерживая хрупкое спокойствие среди воинственных племён: стоило ему отойти или задремать, как мороз тут же поднимал бунт. Подобно тому как этот городской страж на другом краю цивилизованного мира держал в узде своенравных автомобилистов — но лишь до тех пор, пока они оставались в поле его зрения.

Один лишь взгляд из-под козырька фуражки заставлял лимузин богача резко замедлять или, вздрогнув, возвращаться на положенное место. Но стоило впереди появиться участку, свободному от мундиров, как все водители тут же бросались переключать передачи. Жизнь и здоровье беспечно подвергались опасности, а самые дерзкие манёвры выполнялись с истинным восторгом.

Закон улиц и дорог Нью-Йорка запрещал автомобилям превышать скорость в тридцать миль в час. И не было такого автовладельца, который, будь он честен с собой, не признался бы в способности нарушить этот закон.

Лейтенант Форбс, наблюдая за автомобильным потоком с высоты моторного автобуса, с усмешкой отмечал, сколь мало взрослые люди утратили свой детский дух озорства и жажды приключений. Весь этот так называемый цивилизованный мир функционировал словно школа: стоило учителю отвернуться — и начинались весёлые проказы. Но горе тому, кого застанут за непослушанием! Все делали вид, что не замечают проступка, пока власть не выявит его, — и тогда же все с серьёзным видом одобряли наказание.

Мистер Форбс не видел Пятой авеню с тех пор, как жалкие конные экипажи сменились грохочущими автоповозками. Он также пропустил момент её расширения — простое, но радикальное решение: тротуары срезали, а их утрату компенсировали за счёт прилегающих зданий. Особняки, некогда украшавшие величественный проспект, теперь выглядели так, будто некий великан прошёлся вдоль стен разделочным ножом. Портики, колонны, крыльца и традиционные подъезды были безжалостно отсечены, оставив владельцев придумывать импровизированные выходы на своё усмотрение.

Особенно пострадал великолепный фасад особняка Энсли. В памяти мистера Форбса сохранилась изящная лестница, которая спускалась от вестибюля к улице плавным, приветственным движением. Теперь же входная дверь оказалась наполовину в подвале, а след от замурованного прежнего входа так и остался незажившим шрамом на фасаде.

Однако это варварское вмешательство вдоль всей улицы, похоже, не облегчило транспортные заторы. Либо движение разрослось с новой силой — как это обычно происходит в Нью-Йорке при любых попытках его обуздать.

Насколько хватало взора — на север и на юг — дорога была забита автомобилями от края до края. И их количество удивляло его куда меньше, чем роскошь самих машин. Дизайнеры уже перестали имитировать кэбы, ландо и виктории, нелепо следовавшие за невидимыми

лошадьми. Теперь они создавали чистые, лаконичные автомобили, чья единственная задача заключалась в том, чтобы вмещать, защищать и возвеличивать собственные моторы.

Многие из этих машин были обставлены с поистине восточным размахом — словно роскошные диваны для путешествий и наслаждений. Некоторые украшали вазами с цветами. Полированные бока переливались всеми цветами радуги, источая величие. Кузова всё ещё сохраняли черты деревянных экипажей: хрупкие, атласные борта, казалось, готовы расколоться при первом же ударе. Однако Форбс знал, что на самом деле они созданы из алюминия и стали, отполированы до блеска и покрыты эмалью.

Чего он не знал, так это того, что люди внутри этих автомобилей — расслабленные, с виду такие же нежные, как кожа их сидений — вовсе не были изнеженными. Подобно своим машинам, они лишь притворялись усталыми и немощными, но на деле были выкованы из стали. Их могучие двигатели были способны развивать скорости и преодолевать расстояния, перед которыми не устоял бы даже закалённый крестьянский характер.

Это было лишь одно из многих открытий, которые ему предстояло сделать.

С высоты покачивающегося автобуса лейтенант чувствовал себя затерянным в бурлящем потоке праздного богатства. Вокруг, если не считать шофёров, полицейских да редких мужчин, чьи профессии волей случая занесли их на эту роскошную улицу, — повсюду были женщины. И в глазах Форбса, не привыкшего к столичному блеску, каждая из них выглядела настоящей принцессой.

Вначале, когда его взгляд падал на очередную сияющую красавицу, сердце замирало: «Вот та, которую я мог бы полюбить! Никогда не забуду её!» Но прежде чем клятва о вечной памяти успевала завершиться, появлялась следующая, затмевающая предыдущую.

Постепенно это бесконечное зрелище начало приедаться. Подобно тому как титулованные особы становятся обыденностью при дворе, так и здесь красота теряла свою ценность из-за избытка. На следующей миле его взгляд привлекали лишь те женщины, чья красота была либо вызывающе роскошной, либо нарочито простой. Но и они вскоре слились в размытом калейдоскопе, который вертели слишком быстро.

Однако была среди них одна женщина, которую он не мог забыть — именно потому, что не мог понять, какова она на самом деле. В этом медленном и прерывистом движении вверх по авеню случилось так, что его автобус неотступно следовал за открытым ландолетом. Он никогда не отставал слишком далеко, но и не мог поравняться с ним.

На заднем сиденье ландолета сидела одинокая молодая женщина — по крайней мере, Форбс решил, что она молода, хотя оснований для такого предположения у него было крайне мало. Её лицо полностью скрывала шляпа — специально подобранная именно такого размера, чтобы спрятать его от любопытных взглядов.

Шляпа напоминала перевёрнутое кашпо из соломки — один из тех экстравагантных головных уборов, которые женщины превращали в настоящий модный триумф. Единственным украшением служило полупрозрачное перо райской птицы, воткнутое в центр и раскинувшееся в форме, напоминающей вопросительный знак.

Даже невооружённым глазом было видно, что это перо — произведение искусства, вероятно, весьма дорогое. В своей наготе и одиночестве оно выглядело вызывающе и дерзко, словно насмехаясь над Форбсом и дразня его неразгаданной загадкой.

С каждой минутой ему всё сильнее хотелось увидеть, какое же прекрасное лицо скрывается под этим причудливым соломенным сооружением, напоминающим опрокинутое кашпо. Его любопытство разгоралось, превращаясь в настоящее наваждение. Что за тайна скрыта под этим экстравагантным головным убором? Какая красавица или, быть может, наоборот — обманщица прячется от мира за этой модой?

Время от времени, когда автобус продвигался вперёд, Форбс оказывался достаточно близко, чтобы разглядеть изящные линии плеча таинственной незнакомки и удивительную гар-

монию её левой руки. Эти детали, замеченные отдельно от всего облика, завораживали и ещё сильнее разжигали его любопытство. Вскоре ему удалось мельком заметить и больше: округлое колено, закинутае на другое, прямую голень, слегка натянувшую узкую юбку, высокий подъём ступни и острый носок изящной туфельки.

И однажды, когда движение внезапно замерло, он оказался так близко, что едва не поддался дикому порыву — нагнуться и сорвать эту дразнящую шляпу. Тогда бы он узнал хотя бы цвет её волос, а она, вероятно, подняла бы на него изумлённое лицо — словно роза, распустившаяся навстречу солнцу. Он был бесстрашным солдатом, но не настолько безрассудным. И всё же он услышал её голос: она перебрасывалась словами с мимолётным собеседником — тот приподнял шляпу, сидя в автомобиле, остановившемся рядом с её ланделетом.

Голос не пришёлся ему по вкусу: почти пронзительный, с металлическим отблеском — столь характерным для нью-йоркского выговора. Да и слова звучали жёстко и прозаично.

— Мы ужасно провели время, — сказала она. — Мне было невыносимо скучно. Тебе следовало там быть.

И тогда она слегка рассмеялась — в её смехе сквозила затаённая злоба. Раздался резкий свисток полицейского, и машины рывком двинулись вперёд. А автобус, тяжело переваливаясь, потащился следом, словно зелёный бегемот. Форбс ощутил шемящее нетерпение: ему хотелось поскорее увидеть, что скрывается под этим райским пером. Он полагал, что там таится красота, хотя горький опыт научил его: опасно судить о привлекательности женщины лишь по тому, как выглядит её затылок

Стало делом отчаянной необходимости обогнать этого неуловимого шофёра и как следует разглядеть его пассажирку. Его большие надежды, казалось, находили подтверждение: почти каждый полицейский отдавал ей честь и улыбался так тепло и радушно, что улыбка ещё долго не сходила с его лица — даже когда она давно уже проехала мимо.

Форбс также заметил, что люди, которых она приветствовала — будь то пассажиры других автомобилей или прохожие на тротуаре, — казались весьма влиятельными персонами. И всё же они явно гордились, когда её шляпа одаривала их коротким птичьим кивком.

На Пятьдесят первой улице, перед радушным серым собором, возникло долгое и почти демократичное затишье: презрительно настроенный ломовой извозчик, восседавший на огромной стальной балке, неспешно гнал через авеню шестёрку надменных жеребцов. Он с явным наслаждением пускал клубы дыма в лицо нетерпеливой аристократии.

Тем временем спешившийся полицейский прохаживался взад-вперёд, а следом за ним ступал смиренный конь с добрыми глазами. Он остановился, чтобы перекинуться парой слов с таинственной незнакомкой, и конь, просунув морду в окно автомобиля, принял ласку от её маленькой руки в перчатке. Форбс снова услышал её голос:

— Бедный ты мой, как жаль, что у меня нет кусочка сахара.

Она обращалась к коню, но ответил офицер:

— Для него, мэ, и одного вашего взгляда вполне довольно.

Страж порядка, очевидно, был родом оттуда, откуда происходят большинство полицейских. Дама вновь рассмеялась — было ясно, что она не боится комплиментов. А вот он смутился, покраснел и запнулся:

— Прошу прощения, мисс

Он проглотил окончание фразы и взмахнул рукой, давая сигнал возобновить движение. Форбс мысленно поздравил себя: по крайней мере, она не «миссис» Такая-то. Его интерес удвоился в тот самый миг, когда молодая женщина наклонилась вперёд, чтобы что-то сказать своему шофёру. Она явно заметила впереди участок без полицейских, и водитель тут же прибавил скорость — так что вскоре оставил Форбса и его автобус далеко позади.

Видя, как ускользает его добыча, Форбс мысленно зафиксировал номер её автомобиля: «48150, N. Y. 1913». Он читал о том, как полиция выслеживает нарушителей по номерам

машин, и поклялся использовать эти сведения в собственных целях. Он непременно должен узнать, кто она и как выглядит. А пока главное — не забыть этот мистический знак на её современной колеснице.

Глава 2

Беспомощный, он мог преследовать её лишь взглядом. Со своего места в автобусе он видел, как её машина стремительно мчится на север. Он ещё различал её в потоке машин — по тому самому украшению из перьев райской птицы на шляпе: оно становилось всё меньше и меньше, напоминая загадочный пернатый вопросительный знак.

Очевидно, она то и дело чудом избегала катастрофы. Пешеходы прыгали как кенгуру, спасаясь от её колёс. Раз или два столкновения с другими машинами удавалось предотвратить лишь резкими манёврами или внезапными торможениями.

Через площадь машина проехала вполне благопристойно — там на постах стояли полицейские. Но, едва миновав её, она растаяла с той сверхъестественной быстротой, с какой падает звезда.

Незнакомка исчезла. И теперь он гадал, куда и зачем она так мчится. На какое свидание спешит с такой пугающей скоростью, с таким безрассудным нетерпением? Его охватило нечто вроде ревности — или, по крайней мере, зависти к тому, кто ждал её в условленном месте.

Но вскоре ревность сменилась тревогой. Возможно, она уже попала в беду. Её машина могла врезаться в какую-нибудь другую — в огромный грузовик со стальными балками, вроде того, что пересёк авеню. Возможно, прямо сейчас она лежит, смятая и искалеченная, в грудe покорёженного металла.

Это насмешливое белое перо-вопрос могло быть забрызгано красным. Её лицо могло быть обращено вверх — навстречу взглядам любого мужчины и ужасу каждого из них. Ему стало почти жутко следовать за ней дальше — вдруг его любопытство будет удовлетворено слишком страшной ценой.

Нерешительность Форбса разрешилась сама собой. Автобус сворачивал с Пятой авеню к Бродвею и Риверсайд-драйв, но он ещё не закончил с этой улицей. Форбс поднялся, чтобы выйти. Автобус качнулся, бросив его с одной скамьи на другую. С трудом одолев опасный спуск, он вовремя ухватился за поручень — чтобы не вылететь головой вниз на улицу. Неуклюже спустившись, он ступил на твёрдый асфальт с облегчением и зашагал на юг.

Толпа постепенно сгущалась, и вскоре стала плотной и вязкой — словно на каждом углу из театров выходили зрители.

В потоке по-прежнему почти сплошь были женщины: красавица рядом с красавицей, ступающая на высоких каблуках; цепочки женщин, словно нити жемчуга, целые полчища дам, одетых по последней моде — но каждая со своими вариациями. Они шагали или не спеша прогуливались, смеялись, улыбались, раскланивались, перешёптывались или разглядывали витрины магазинов.

Панорама витрин почти не уступала в красоте этому женскому войску. Грандиозные демонстрационные витрины предлагали товары, способные соблазнить даже императрицу на щедрые траты.

Кое-где галантерейные магазины выставляли и мужские товары удивительной красоты: образцы рубашек и шарфов, банные халаты, жилеты, способные поспорить с нарядом Иосифа. Но в основном базары завлекали женщин — или мужчин, покупающих что-то для женщин.

Витрины словно шептали:

— Как ты можешь пройти мимо моих сокровищ с любимой? Как можешь вернуться к ней домой без хотя бы частички моих чудес?

— Как прекрасно она будет выглядеть в моих складках!

— Как великолепно мои бриллианты украсят её волосы или шею! Если ты её любишь — подари ей меня!

— Стыдно притворяться, что ты меня не видишь, или признаваться в бедности! Разве нельзя где-то занять денег, чтобы меня купить? Может, отложить оплату квартиры или какой-нибудь другой долг? А может, меня можно приобрести в кредит?

Всё вокруг кричало о витринах и женщинах. Казалось, дамы уже щеголяют трофеями вчерашних покупок — и всё равно жаждут завтрашних. Женщины, разодетые словно манекены из одной витрины, с голодным вождением разглядывали таких же в другой.

Роскошь их нарядов и откровенность соблазна почти пугали. Казалось, сами женщины превратились в витрины магазинов: кто-то предлагал свои прелести на продажу, а кто-то высокомерно помечал себя ярлыком «продано». Молодые и не очень, все они выставляли себя напоказ в лучшем виде — словно единственным их занятием была торговля восхищением.

— Посмотри на меня! Взгляни же! — словно бросали они вызов одна за другой. — Моё лицо уже не молодо, зато мой род древний. Моё тело полно, зато кошелек моего мужа толст. Я одета не слишком роскошно, зато умею носить то, что есть. Я молода, прекрасна, роскошно одета — и у меня богатый муж. Я всего лишь школьница, но готова к восхищению, и отец покупает мне всё, что я захочу. Я веду греховную жизнь, но разве результат того не стоит? Мой муж вкалывает в центре города, чтобы оплачивать эти наряды, — но разве ты не рад, что я не стала ждать, пока он сможет позволить себе одеть меня вот так?

Лейтенант Форбс долго не был в мегаполисе и жил в суровых краях, так что, возможно, неверно понимал мотивы нью-йоркских женщин и их жизненные ориентиры, недооценивал их добродетели. Порок может ходить нечесаным и в лохмотьях, а святая способна заботиться о своей внешности. Быть может, то, что он принимал за дерзость, было лишь спокойствием невинности; а то, что он читал как приказ восхищаться, на деле оказалось похвальным стремлением наилучшим образом раскрыть свои дары.

Но Форбсу во всём этом виделось подавляющее торжество телесности. Это напоминало ему легендарные вавилонские празднества, когда все женщины благочестиво предлагали себя каждому прохожему и измеряли свою благосклонность перед небесами числом незнакомцев, которых сумели привлечь.

Ему казалось, что женщины в других местах, не в Нью-Йорке, одевались не менее красиво, но куда целомудреннее. Здесь дамы выглядели не столько женственными, сколько женскими — в самом биологическом смысле. Казалось, их мысли полны любовных фантазий. Они выставляли напоказ свои груди с особым смыслом, даже их спины словно посылали немые сигналы. Их наряды были уже не одеждой, а настоящими знамёнами.

Годы он провёл среди полуобнажённых варваров, не стыдящихся своей наготы, — но эти женщины казались ещё более нагими. Чем тщательнее они были одеты, тем меньше на них, казалось, было одежды.

В душу Форбса, обычно тёплую и преисполненную восхищения перед женщинами, закрался непривычный цинизм. Он шёл и размышлял:

— За всех этих женщин заплатили мужчины. За каждую вещь, что носит любая из этих дам, заплатил какой-то мужчина. Отцы, мужья, опекуны, покровители — живые или уже покойные — заработали на всю эту пышность.

— Мужчины, которые за это платят, сейчас не здесь: они в своих конторах, магазинах, на работе — строят, создают; или же покоятся в могилах, отдыхая от трудов, пока расточительный пол разгуливает повсюду, соря деньгами и щеголяя тем, что удалось выпросить или выманить.

— Что же женщины дают взамен? Они должны что-то отдавать. Что именно?

Глава 3

Некоторое время он размышлял, словно язвительный Сатана, о смысле этого парада нарядов — а затем его снова захлестнуло восхищение их великолепием. Он почувствовал: мир был бы ужасным без всей этой роскоши. И решил, что всё правильно: мужчины должны добывать золото, нырять за жемчугом, охотиться за перьями цапли, пробираться сквозь снега за мехами, выращивать шелковичных червей, строить ткацкие станки и открывать магазины — и всё это ради того, чтобы прекрасная половина человечества могла себя украшать.

Алая блудница на звере, розовая девушка с коробкой шоколадных конфет, белоснежная матрона, вдова в самых дорогих и изысканных траурных нарядах — все они были важнее любых человеческих установлений, потому что были прелестны, красивы или по-своему очаровательны. Беспольные, но столь же прекрасные, как музыка, цветы или поэзия.

Вскоре впечатлений стало так много, что он уже не мог привести их в порядок — он мог лишь откликаться на них. Индивидуальные черты той или иной женщины — будь то та, что гордо шагала пешком, или та, что полулежала в своём автомобиле, — поражали его. Каждая из них была словно Лорелея, поющая ему со своего рокового утёса, а его сердце металось от одной к другой, словно маленькая лодка без руля.

Каждая сирена спасала его от чар предыдущей, но непрекращающиеся удары по его чувствам погружали его в жар всеобщего восхищения. Он радовался, что снова оказался в Нью-Йорке. И начал мечтать о знакомстве с одной из этих женщин.

Было очевидно: многие из них готовы были распахнуть перед ним двери своего гостеприимства. Немало их — и притом прекрасных, роскошно разодетых — смотрели на него глазами, точно крючьями для абордажа. Их взгляды были приглашениями столь настойчивыми, что невольно вызывали сопротивление; они заранее презирали любой отказ. Но мужчины легко находят в себе силы противостоять и таким приглашениям, и такому презрению.

Форбс не стал бы искать приюта в этих похожих на таверны сердцах. Он хотел найти какую-нибудь привлекательную, но достойно неподатливую женщину — чтобы подружиться с ней, влюбиться в неё. Он был свободен сердцем и жаждал общения.

Когда мужчина — солдат, офицер, к тому же молодой, статный и воспитанный, — маловероятно, что он долго останется без возможности приключений.

Женщина с пером райской птицы глубоко засела в сознании Форбса — словно на свете не существовало ничего и никого другого. На Пятой авеню Форбс влюблялся с первого взгляда раз сто пятьдесят. Встреть он кого-то из этой когорты снова при благоприятных обстоятельствах, он мог бы обрести в её объятиях тот отклик, которого искал. Это могло бы принести ему трагическое беспокойство или тот род домашнего уюта, о котором не пишут в книгах.

Возможно, позже он и в самом деле встречал кого-то из этих потенциальных возлюбленных; но если и так, он не помнил их и не обращал на них внимания — ибо к тому времени уже был безнадежно опутан той, которую выслеживал и упустил.

Когда он нашёл её, она не запомнилась ему сильнее остальных. Она показалась ему женщиной чрезвычайной хрупкости — и всё же ей суждено было испытать его силу до предела: его выносливость, его мужество, его готовность к риску.

Среди отважных людей он заслужил славу благодаря осторожности при приближении к опасности, храбрости посреди неё и ловкости в том, чтобы выпутаться из засады или ловушки. Эта утончённейшая дама должна была научить его безрассудству, опрометчивости, неуклюжести. Она изматывает его в погоне за счастьем и вызовет отвращение к его профессии, к самому себе — и к ней самой. Под её влиянием он пройдёт через сцены великолепия и достигнет вершин возбуждения. Он познает красоту, наслаждение, интриги и опасность. Он познает всё,

кроме покоя, удовлетворённости и умиротворения. Он будет любить и ненавидеть её, презирать и обожать, станет её лучшим другом и врагом, а она — его.

При первой встрече он преследовал её, не зная, кто она, и так и не смог настичь. А она, не подозревая, что за ней следят, невольно дразнила его: всё время держалась вне досягаемости и не позволяла разглядеть своё лицо.

Возможно, для них обоих было бы лучше, если бы они так и остались на расстоянии — в той призрачной, предвещающей многое игре в прятки среди толпы, под ярким солнцем.

А может, лучше было встретиться и вынести горнило эмоций и великолепных переживаний на фоне роскошных декораций.

Но — к добру или к худу — они встретились, и их души вступили в ту схватку взаимной помощи и взаимного вреда, которую мы называем любовью.

Мир, как всегда, много слышал о них — и неизбежно искажал и осуждал, не замечая того, что могло их оправдать. Люди не видели, что самые легкомысленные их поступки были на самом деле важнейшими, а когда они, казалось, грешили сильнее всего, они вцеплялись в самые высокие вершины своих достижений.

Именно такие судьбы заставляют человеческую душу громко звать к Богу — чтобы Он дал ей понимание, дал ещё один шанс в лучшем мире. Это стремление настолько сильно, что порой превращается в веру. Но пока мы ждём этого высшего суда, задача рассказчиков — выступать более справедливыми судьями, чем обычные толпы присяжных.

Тем временем Форбс ничего не подозревал о грядущем и почти ничего не осознавал, кроме душевной усталости и тяжести в ногах.

Вернувшись в отель, он чувствовал себя туристом, пересмотревшим слишком много картинных галерей. Пятая авеню была для него передвижным Лувром — только не старых мастеров, а юных прелестниц.

Он забрался в ванну с водой настолько горячей, насколько мог вытерпеть, и нежился там, словно выкуривая из себя боль, воображая себя богатым, как Гарун аль-Рашид, — а не бедным младшим офицером в измотанной маленькой армии, с одним лишь жалованьем и небольшой суммой, которую он скопил главным образом потому, что его держали в краях, где почти нечего было купить.

Цена номера в отеле поначалу ошеломила его, но он списал её на заслуженный отпуск и убедил себя, что он — миллионер. Он поднялся из кипящего бассейна и окатил себя ледяным душем, дрожа от упоительного холода. Кровь его заиграла, словно по сигналу горна, по зоре, зовущей к жизни.

Он услышал, как город кричит у его окон, и начал лихорадочно набрасывать на себя одежду. И тут он осознал: среди этих ревущих миллионов он не знает ни единой души. Он выругался, проклиная свою удачу, и набросил халат. Завязывая пояс, он почувствовал, что мог бы с таким же успехом быть монахом-затворником в пустыне, закутанным в рясу, — столь же одиноким, как сейчас, в этой пустыне роскоши.

Счастье неизбежно ускользало от него так же легко, как та женщина с белым пером — когда он, сидя в своём десятицентовом автобусе, преследовал её роскошный ландо стоимостью в пять тысяч долларов. Всё, что у него осталось от неё, — это вид сзади её шляпы да номер её автомобиля: N. Y. 41508. Или, может, N. Y. 85140? Да чёрт его знает, какой там был номер

Он не унёс из той встречи даже этого!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.